

9. Ананьин М.А. Записки деда. Златоуст-36, 1993. С. 90.
10. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
11. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 172. Л. 107.
12. Рясков С.А. Социокультурное развитие закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.). Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 17.
13. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 38.
14. Там же. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 56, Оп. 10. Д. 42. Л. 27.
15. Там же. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
16. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 623. Л. 85; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 47; Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 201.
17. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190.
18. ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 25-26.
19. ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 118; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 35; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 392, 394-398, Оп. 1. Д. 687. Л. 171; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 4. Д. 1. Л. 58, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
20. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 91.
21. ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 120; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
22. ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
23. Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из воспоминаний Е.Т. Матвеевой // Созидание (дела и люди). Сборник. УЭХК. Свердловск-44, 1989. С. 188.
24. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 633. Л. 11, Оп. 2. Д. 2. Л. 11, 52; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 46, 118, 200; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 9.
25. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 94, Д. 72. Л. 4, Д. 90. Л. 21.
26. Там же. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 36. Л. 54, 55.
27. Там же. Д. 72. Л. 2, 5; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.
28. ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 5. Д. 5. Л. 38, 39; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 36. Л. 50-54.
29. Там же. С. 23.
30. Там же. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 100-104, 144.

Мирошкин М.А.
(Екатеринбург)

Похозяйственные книги сельсоветов как источник информации о сельском населении 1930-х годов

Среди всей совокупности массовых источников по социально-экономической истории колхозного крестьянства 1930-х годов выделяются «Похозяйственные книги сельсоветов».

Впервые как основной документ первичной учетной документации граждан они были введены в 1934 г. с целью упорядочения хозяйственной

отчетности сельсоветов и сокращения ее масштабов постановлениями ЦИК и СНК СССР (1).

Уникальность данного источника заключается в том, что он лишен субъективных оценок, комментариев, содержит только количественные данные и позволяет исследователю изучить период объективно.

Особую актуальность представляет учет социально-демографических процессов. В сельской местности в отличие от города, где существовала налаженная инфраструктура, данную информацию получить достаточно трудно, особенно это касается тех случаев, когда берутся данные за межпереписной период и необходимо отследить динамику социально-демографической структуры сельского населения. В этом случае данные похозяйственных книг становятся уникальным источником информации.

Среди прочих видов исторических источников похозяйственные книги отличаются наличием большей доли достоверности, так как на их основе государственные органы исполнительной власти составляли отчетность и вели финансово-хозяйственную деятельность. Персональная ответственность за сохранность и правильную и своевременную запись в книгах была возложена на секретарей сельсоветов, которые обязаны были окончить двухнедельные курсы и выдержать испытание перед районной квалификационной комиссией на знание этой работы. Райинспекторы народнохозяйственного учета должны были осуществлять контроль за ведением похозяйственных книг на местах (2). Записи в похозяйственные книги производились специальными сельсоветскими бригадами путем сплошного обхода дворов, опроса владельцев и пересчета или измерения в натуре и проверялись при помощи контрольных обходов (3).

По данным похозяйственных книг возможно отследить процессы, связанные с социальной мобильностью крестьян, изучить демографическую ситуацию на деревне, выявить наличие скота, построек, земельных участков, посевов и насаждений хозяйства, размеры сельскохозяйственного налога и страховых платежей. Для этого рассмотрим структуру данного источника более подробно. Одним из пунктов являются: «Список членов домохозяйства» (пункт № 6) и «Дополнительные сведения о выбывших и прибывших» (пункт № 7) (4). Здесь отражены подробные данные о каждом члене семьи: месяц и год рождения, наличие инвалидности, являлся ли человек красноармейцем, грамотность, специальность, занятие и место работы. С 1938 г. произошли изменения, так графа «Грамотность» в пункте № 6 была переименована и получила название «Отметка о грамотности и учебе» (5). Связано это было с борьбой государства с безграмотностью, проводившейся ускоренной индустриализацией и соответственно распространением сельхозтехники в деревне. Все это требовало квалифицированных кадров, поэтому государству требовалось знать более точные данные об образованности своих граждан и прежние показатели: грамотный, малограмотный и безграмотный власть больше не устраивали. Теперь необходимо было указывать: какую школу

окончил или где учился, сколько классов образование, если человек продолжал учебу, то в дальнейшем заполнялась отдельная графа («Последующие изменения»). При этом обращает на себя внимание следующий факт, в зависимости от степени образованности человек занимал в деревне и соответствующее социальное положение. Как правило, это были руководящие посты или работа связанная с делопроизводством.

Четко прослеживаются демографические показатели, их динамика на протяжении лет. Это прежде всего данные о половозрастном составе семьи, рождения и смерти, по какой причине тот или иной человек выбыл из деревни. Чаще всего причина убытия указывалась – армия, которая легально позволяла вырваться из деревни (введение в 1933 г. паспортной системы) и уехать на поиски лучшей жизни, смерть или переезд в другую деревню (например, после свадьбы, как правило, женщина переезжала жить к своему мужу).

Можно отследить еще одну особенность: если в начале 1930-х годов мы можем наблюдать «Отметку о прошлом хозяйства» - бедняк, середняк, зажиточный, то в дальнейшем данная графа вообще исчезает (6). Связано это было, прежде всего, с тем, что к середине 1930-х гг. коллективизация была в основном завершена (к концу 1932 г. в Уральской области имелось 8,9 тыс. колхозов, которые объединяли 67,8 % крестьянских хозяйств, а в 1937 г. в колхозах состояло 93,6 % крестьянских хозяйств).

Таким образом, на протяжении 1930-х годов периодичность составления похозяйственных книг, нормы фиксации показателей для разных групп населения, а также требования к заполнению структурных подразделений формуляра претерпевали изменения. С конца 1930-х гг. сведения, характеризующие размеры налоговых и натуральных платежей, практически перестают встречаться. С конца 1930-х гг. похозяйственные книги стали заполнять в 2-3 года и одновременно фиксировали семьи колхозников, рабочих и служащих (7).

В период 1934-1939 гг. формуляр похозяйственных книг фиксировал различный объем показателей для разных групп сельского населения. Колхозники и единоличники заполняли формуляры одинаково, тогда как рабочие и служащие, которые не платили сельхозналог и не облагались натурпоставками, заносили сведения: состав семьи, занятость ее членов, иногда указывали размеры приусадебных участков и виды скота (8).

Однако, в 1939 г. налоговая политика претерпевает изменения. Она заключалась в замене твердых ставок налога прогрессивными ставками, построенными в зависимости от размеров всех доходов колхозников от не-обобщественного подсобного хозяйства, включая доходы от специальных отраслей сельского хозяйства, кустарно-ремесленных промыслов и другие неземледельческие доходы. Доходы, получаемые колхозниками по трудодням, освобождались от обложения.

Облагаемый доход определялся исходя из утвержденных норм доходности по отдельным культурам и видам скота, исчисленным по ценам, сложившимся на колхозном рынке в 1937-38 гг. (9).

Новый закон о сельскохозяйственном налоге, принятый в 1939 г., установил особый порядок обложения рабочих и служащих, проживающих в сельской местности и имеющих доходы от сельского хозяйства. Эти хозяйства облагались наравне с хозяйствами колхозников при условии, если по найму работает не только глава семьи, но и все другие трудоспособные его члены (кроме домашней хозяйки) и если количество скота в хозяйстве не превышает норм, установленных Уставом сельскохозяйственных артели для колхозников. При нарушении этих условий рабочие или служащие по их доходам от сельского хозяйства облагались на одинаковых основаниях с единоличными крестьянскими хозяйствами.

Таким образом, вся система налогов была построена так, чтобы стимулировать подсобное хозяйство к полному переходу на внутренний потребительский уровень и вступление в колхоз единоличных крестьянских хозяйств и членов семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности (10).

Документальные фонды сельсоветов 1930-х гг. лучше сохранились в Ирбитском и Красноуфимском государственных архивах Свердловской области. Похозяйственные книги сельсоветов находятся на хранении в областных, районных и городских государственных архивах и их филиалах. Так, в Ирбитском государственном архиве похозяйственные книги Ирбитского района за 1930-е гг. отложились в фондах 15 сельских и поселковых советов общим объемом 151 единица хранения.

В Красноуфимском государственном архиве похозяйственные книги за 1930-е гг. сохранились в фонде Ачитского сельского совета (11) объемом 66 единиц хранения.

Ирбитский район			
Фонд, описание	Сельсовет	Год	Кол-во сохр-ся дел
Ф.140. Оп.2.	Горкинский	1934	4
		1935	3
		1936	2
		1937	6
		1938	1
		1938-39	8
		1939	2
Ф.276. Оп.1.	Гунинский	1934	2
		1935	2
		1936	3
		1937	6
Ф.649. Оп.1.	Иванищевский	1938-39	1

Ф.802. Оп.2.	Килачевский	1937 1938-39	4 1
Ф.249. Оп.1.	Кириловский	1935 1936 1937 1938-39 1939	2 3 5 3 1
Ф.797. Оп.1.	М-Аникинский	1935 1936 1937 193-39	1 2 2 5
Ф.239. Оп.1.	Ницинский	1935 1938-39	1 1
Ф.279. Оп.1.	Пиневский	1935 1936 1937	1 2 1
Ф.426. Оп.1.	Пьянковский	1934 1936	1 1
Ф.277. Оп.1.	Речкаловский	1934 1935 1936 1937 1938-39	10 6 1 1 1
Ф.262. Оп.1.	Рудновский	1935 1936 1937 1938-39	2 5 5 5
Ф.260. Оп.1.	Симановский	1934 1935 1937 1938	3 3 1 6
Ф.800. Оп.1.	Стриганский	1934 1935 1936 1937 1939	1 1 1 1 1
Ф.242. Оп.1.	Устиновский	1934 1935 1936 1937 1938-39	2 5 6 2 4
Ф.241. Оп.2.	Шмаковский	1934	1

Красноуфимский			
Ф.243. Оп.2.	Ачитский	1934	9
		1935	19
		1936	4
		1937	13
		1938	10
		1938-39	10
		1939	1

Анализ состояния архивной сохранности источника в Свердловской области на примере Ирбитского и Красноуфимского государственных архивов выявил следующее: единообразия требований к хранению похозяйственных книг в 30-е годы не было выработано, в связи с чем количественно данный источник распределен неравномерно. Так, в Ирбитском архиве, несмотря на многообразие данных, имеют место пробелы при рассмотрении сведений конкретных сельсоветов, часть из которых сохранили только частичные данные по периоду 30-х годов.

В Красноуфимском же архиве обратная ситуация: источник сохранился за каждый год, но эти данные имеются только по Ачитскому району (12).

Похозяйственные книги в дополнении с другими документами позволяют исследовать социально-экономические процессы развития уральской деревни 1930-х годов.

1. Скворцова Е.М. Похозяйственные книги сельсоветов 30-х годов XX в. // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 123.
2. Там же.
3. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. / Под. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 223.
4. Государственный архив в г. Ирбите. Ф. 277. Оп. 1. Д. 19.
5. Там же. Д. 47.
6. Там же. Д. 31, 38.
7. Скворцова Е.М. С. 124.
8. Там же.
9. Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964. С. 187.
10. Там же. С. 188.
11. Государственный архив в г. Красноуфимске. Ф. 243. Оп. 2.
12. Там же.